

Как проживает? — Неординарно

Не удивительно, что выпускник Уральской консерватории занимается фортепианной педагогикой, но преподавание в течение сорока восьми лет «на одном рабочем месте» — факт неординарный. К тому же преподавание — не единственное занятие этого выпускника. «Пианист по профессии, любитель-художник, фотограф, поэт», — так говорит о себе Олег Игоревич Гайдамович.

Среди его художественных выставок — «Полеты во сне», «Немного космоса в кленовом листе», «Всплеск тишины», «Интуорсия», «Свет в конце света», «Белая спина, или Подарки к празднику». А вот названия нескольких проектов Гайдамовича-сценариста, режиссера, исполнителя: «Бетховен», «Меж мертвой и живой отчизн», «Танец огня», «Анданте ада Данте», «Арион»...

С преподавателем Асбестовского колледжа искусств, заслуженным работником культуры России мы беседуем в день его юбилея.

— Через ваш класс прошли десятки студентов-пианистов, вы хорошо известны своими персональными выставками в Асбесте, Екатеринбурге, Среднеуральске, зрители всегда с нетерпением ждут ваших интересных авторских программ, сложенных по принципу «музыка—поэзия—живопись», у вас огромное количество фотоальбомов, где каждый снимок драгоценен как выхваченный из жизни миг. Ваша многосторонность притягивает. Кем вы все-таки себя считаете?

Пианист...

— Ни пианистом, ни педагогом, ни художником, ни, боже храни, поэтом я себя не только не считал, но и не чувствовал, но тем не менее посредством каждой ипостаси или всех вместе хотел передавать почти непередаваемое, что просилось наружу.

— По словам одной из рецензий, «поделиться неделимым, сказать несказуемое»? А с чего все началось?

— Одним из мощнейших факторов, повлиявших на склад личности, явилось то, что я каждое лето, еще до школы, проводил на природе, в глуши, на озере Иткуль. Заливы, камыши, горы, ручьи, деревья, трава... Буквально сливаясь с природой, тогда еще сам не понимал значение этого опыта. С годами эти впечатления превращались в щемящую идиллию. Составили сильный духовный фундамент. Этюды на природе — особое состояние души, духа. Состояние, которого раньше не было: уединяешься, растворяешься — начинает что-то получаться. Просто пронзительное счастье, когда ты ощущаешь себя частью безграничности.

Олег ГАЙДАМОВИЧ

— Как в вашу жизнь вошли и рояль, и мольберт?

— Мои мама и папа не имели никакого отношения к искусству, в музыку меня за ручку привела бабушка, Ольга Евграфовна Гайдамович. Талантливая пианистка, игре она училась в Санкт-Петербургской консерватории. Среди ее преподавателей — Александр Глазунов. Ее слушал Сергей Рахманинов. У нее остались ноты с пометками знаменитой пианистки Анны Есиповой. Революция 1917 года оборвала учебу и забросила юную пианистку на Урал. Бабушка до 1960-х годов работала концертмейстером в Свердловском оперном театре. Аккомпанировала Козловскому, Лемешеву, Собинову, Штоколову... Именно она увлекла меня музыкой, втянула в посещение спектаклей, в волшебство театральных сказок. Но если от бабушки во мне — музыкант, то от дедушки — художник.

Мой дед, Матвей Иванович Гайдамович, тоже провел юность в северной столице: учился в Академии художеств, позднее входил в Союз художников. Он

пытался меня вовлечь в свое искусство, но в основном рассказывал на ночь сказки. Потребность рисовать дала о себе знать заметно позже: в начале 1970-х в Асбесте открылась художественная школа, я там познакомился и сблизился с художниками. Начались совместные поездки на этюды, потом накопились картины, сделали мы выставку в местном музее, а с «сорокалетнем, строгой порой» совпали и первая моя персональная выставка, и синтетическая программа.

— Но ведь в вашем роду и священники были, и врачи...

— Прадед, протоиерей Евграff Плетнев, служил в Пермской губернии с 1900 по 1918 год в одном из православных храмов, пока не был расстрелян вместе с сыном. В 2000-х прадед был канонизирован и причислен к лику святых новомучеников и исповедников Русской православной церкви.

— Давайте вернемся из прошлого к вашим увлечениям. Видела, как всю вашу внешнюю холодноватость и закрытость как рукой снимает, когда с фотообъективом «охотитесь за реальностью». Говорят, вас в это увлечение втянул отец?

— Да, и еще Анатолий Киселев, консерваторский друг, а впоследствии коллега. Тогда как раз только стали появляться зеркальные фотоаппараты с длиннофокусными объективами. Ну только представьте: впереди — маленькая былинка, а задний план весь размыт — таинственный лес, гора... А дальше то же самое захотелось делать красками, акварелью. Увлечение фотографированием пейзажей повело к мольберту, к пейзажной живописи.

— «Дух творит себе формы». И все-таки для преподавателя на первом месте — его повседневное общение с учениками. Какие у вас чувства, вы ведь работаете в колледже с первых дней его основания?

— Работать над музыкой с детьми — это радость, независимо от того, какие дети. Порой мне кажется, мы сами не до конца понимаем конечной цели наших занятий. Это не музыка, не профессия, а какое-то проникновение, «просветы в тончайшей ткани мировой», как сказал Набоков...

— Говорят, что со временем в нас пробуждаются наши собственные учителя. Кто были ваши преподаватели в музыкальной школе-десятилетке?

— Эмиль Абрамович Росман, преподаватель фортепиано младших классов, воплощал доброту, мудрую музыкальность. Требовательная Татьяна Яковлевна Ковылова подготовила к консерватории. Мария Григорьевна Богомаз — консерваторский профессор. В общении с ней «приоткрылись двери мастерства».

— Через ежегодные концерты — «Осенний букет», «Иг-

рают все!» — вы привлекаете своих подопечных к творческой деятельности, развиваете в них артистические чувства и навыки сценического поведения. Отзывы учеников вашего класса буквально будоражат, просто общий восторг у них от ваших уроков. Вместе с ребятами вы регулярно совершаете вылазки на природу, вместе отмечаете дни рождения. Ансамбль «Гамадрил» тоже стал для вас формой внеурочного общения с молодежью?

— Знаете, хотелось придумать что-то нетрадиционное. Вот и возник этот ансамбль в давнюю новогоднюю ночь 1969–1970 года. Правда, назывался он тогда «Слухачи». Помнятся белый маленький рояльчик, зеленый маленький саксофончик и юла. Первый номер был прост: запускалась юла, и под ее пение саксофон выводил мелодию.

— Как вы считаете, почему у вашего ансамбля такая длительная история?

— Я отношусь к этому веселому ансамблю шумовых и экзотических инструментов очень серьезно. Для меня это опять же поиск нового во всем — возвучиваниях, музыке, жизни и человеке, значит, и в себе.

«Как поживаете?» — обычный вопрос при встрече. В отношении некоторых людей кажется, что его надо ставить чуть иначе: «Как проживаете?» Олег Гайдамович проживает меж полок с томиками Тютчева и японской поэзии, полным собранием сочинений Шопена и Скрябина. Фильмы Тарковского — все семь — на полке над фортепиано, на пюпитре которого — Рахманинов, *in aeternum*.

O. Гайдамович. «Дорожка»